

УДК 81.246 : [811.341.4 + 811.352.3]

ББК 81.002.1

Т 46

Тихонова А.П.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: aza.tihonova@mail.ru

Времена и наклонения в хаттском и абхазо-адыгских языках

(Рецензирована)

Аннотация:

Впервые предпринимается попытка выделить показатели времени и наклонения в хаттских глаголах путем их сравнения с соответствующими глагольными показателями в абхазо-адыгских языках. До настоящего времени исследователям хаттского языка не удалось определить эти грамматические форманты. При выделении маркеров времени и наклонения во внимание принимались закономерные звуковые соответствия в области гласных и согласных в хаттском и абхазо-адыгских языках. Хаттские маркеры времени и наклонения даются в латинице, а их абхазо-адыгские соответствия – в кириллице. Материалом исследования послужили тексты хаттско-хеттских билингв. Методика исследования основана на сравнительно-сопоставительном анализе двух и более языков с исторической точки зрения. Анализ показателей времени и наклонения на материале хронологически разновременных текстов позволил выявить довольно разветвленную систему видовременных форм прошедшего времени и наклонения в хаттском языке. Обращает на себя внимание идентичность хаттских и абхазо-адыгских аффиксов, передающих видовременные значения и побуждение к совершению действия, что подтверждает их несомненное родство. Результаты исследования могут быть использованы при дешифровке, реконструкции и интерпретации древних текстов.

Ключевые слова:

Темпоральные параметры, преверб, финитная форма глагола, инфинитная форма глагола, масдар, дюративный аспект, оптатив, прохибитив

Tikhonova A.P.

Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department, Adyghe State University; e-mail: aza.tihonova@mail.ru

Tenses and Moods in the Hattian and Abkhazian-Adyghe Languages

Abstract:

For the first time an attempt is made to single out markers of tense and mood in the Hattian verbs by comparing them with corresponding verbal markers in the Abkhaz-Adyghe languages. Up to date researchers of the Hattian language failed to reveal these grammatical affixes. When selecting markers of tense and mood we took into consideration legitimate sound correspondences of vowels and consonants in the Hattian and Abkhaz-Adyghe languages. Hattian markers of tense and mood are given in Latin, their Abkhaz-Adyghe match – in the Cyrillic alphabet. The materials of the study were bilingual texts. The method of investigation is based on the comparative analysis of two or more languages from a his-

torical point of view. The analysis of the Hattian tense and mood markers in the texts belonging chronologically to different time made it possible to reveal rather a wide system of aspect-tense forms of the past tense and mood in the Hattian language. It is noteworthy that Hattian and Abkhaz-Adyghe affixes rendering aspect-tense and mood meanings are identical which proves undoubtedly their relationship. The results of the investigation may contribute to deciphering ancient texts and their reconstruction.

Keywords:

Temporal parameters, a preverb, a finite form of the verb, an infinite form of the verb, masdar, durative aspect, optative, prohibitive.

Понятие времени наряду с понятием пространства входит в число главных категорий бытия, поскольку нет ничего вне времени и пространства. С философской точки зрения время – основная форма существования материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире.

Изучение способов и средств выражения времени на материале как родственных, так и неродственных языков позволяет глубоко проникнуть в особенности языковой картины мира в сравниваемых и сопоставляемых языках, выявить их сходства и различия. В своем исследовании темпоральных параметров мы исходим из предпосылки, что естественные языки представляют собой коды культуры, которые по-разному отражают и структурируют окружающий мир.

Концепт «время» получает в языке чрезвычайно широкое отражение на всех языковых уровнях и в разных классах языковых явлений.

Мир в представлениях хаттов тварен (создан, сотворен богом), т.е. имеет начало и конец, поэтому в отличие от бессмертных (вечных) богов человек смертен. В названии «человек» в хаттском языке входит понятие «смертный»: *uahtu* «смертный» = *antu* «рожденный матерью, женщиной». Ср. в каб. *uaхъты илэн* «быть смертным». В современном кабардино-черкесском языке в словах *uaхътэ* «время» и *uaхъты* «смертный» один корень, который по написанию и семантике совпадает с хаттским корнем *uahtu*.

Для смертного человека релевантно реальное (действительное) время. Вневременное (идеальное) время имеет отношение к сфере богов.

Движение хаттов на временной оси находит отражение в грамматикализованной форме в виде времен, причем в древних рукописях они главным образом представлены в форме прошедшего времени.

Попытки исследователей хаттского языка квалифицировать глагольные префиксы в качестве показателей времени не увенчались успехом [1: 131].

О. Сойсал считает время хаттского глагола рудиментарным и с трудом опознаваемым (*sehr schwer erkennbar*) [2, глава III: 187]. Исходя из исследования хаттско-хеттских билингв, он приходит к убеждению, что *Präteritum* (прошедшее время) в хаттском никак не маркируется. Имеющиеся сведения о хаттском языке, по его словам, позволяют выделить только суффиксы *-e* и *-u* как показатели будущего и/или настоящего времен, а элементу *-a* он отводит роль показателя модальности [2: 187-188]. Первым из ученых, кто высказал предположение, что суффикс *-u* является показателем настоящего времени, был К. Гирбал [3: 124-125].

Между тем, хаттско-хеттские билингвы – очень ненадежный источник каких-либо сведений по хаттской грамматике. Например, хеттский перевод фразы *aš-kahhi-ir šuuu_a* «раздали в управление» вместо «меня поставили управлять» не позволяет увидеть, что здесь представлены две глагольные формы.

Как и в абхазо-адыгских языках, гла-

голы в хаттском языке могут употребляться как в финитной, так и в инфинитной форме. Финитное образование обозначает самостоятельное действие, в то время как инфинитное выражает действие, зависимое от действия другого глагола [4: 110-111].

Инфинитные образования в хаттском языке представлены глагольными формами с суффиксом *-r*: *ua_a-šhap-ma eš-uu_r aš-kahhi-ir šuu_a* «Боги верховные моими странами меня управлять поставили»; *ka-a-mar ištarrasil ha-nuu_a-pa* ^D*Hašammil* «скользя в темную землю, бог Хашамиль вошел». См. об этом подробнее [5: 105-110].

В современных абхазском и абазинском языках существует глагол-имя (масдар), образуемый посредством сочетания глагольной основы с идентичным суффиксом *-ra*: Ср., например, абаз. *бза-ра* «жить, жизнь»; *цара* «ходить, ходьба»; абх. *аргылара* «строить», «строительство»; *аьхьара* «читать», «чтение»; в статических глаголах суффиксу *-ra* предшествует аффикс *заа-*, выражающий продолжительность состояния, *аьстзаара* «существовать», «существование, жизнь».

По мнению К. Ломтатидзе, инфинитные образования следует квалифицировать как нечто среднее между именем и глаголом. Среди отглагольных форм особенно следует выделить причастия, которые содержат субъектно-объектные лица [6: 174].

Причастие в адыгейском языке также имеет суффикс *-рэ*. Как отглагольное имя оно обладает почти всеми глагольными категориями, за исключением категории склонения, может изменяться по лицам и имеет категорию времени: напр., *Сыда узажэ-рэ-р?* – «Чего ты ждешь?» *у* – показатель субъекта [4: 314-318].

В вопросительных предложениях причастия выполняют функцию сказуемого: *Ахэмэ сыда ашIэрэр?* – «Что они делают?»

Как видим, в вышеприведенных примерах причастная форма в адыгейском языке служит для выражения настоящего времени.

Как считает Г.В. Рогава, суффикс *-r(a)* нельзя считать показателем времени, поскольку в кабардинском языке он встречается как в формах настоящего, так и прошедшего времени. По его мнению, имеются основания полагать, что этот суффикс исторически был показателем дюративного аспекта (*durative aspect*), который, возможно, генетически увязывается с абхазо-абазинским суффиксом дюративности *-la*. Как установлено, и в других языках категории времени предшествовала категория аспекта (вида) [7:107].

В хаттском языке можно выделить настоящее и прошедшее времена. Действительно, показателем настоящего времени финитных глаголов является суффикс *-u*. Например, хатт. *kab hu* «предание (миф) гласит»; *šawa_a d-ma ga-ura-antiu* «яблоня над источником (речкой) стоит», *ti/it* «стоит». Ср. адыгейск. *um* «стоит», каб. *um* «находится», *umц* «находится где-л.»

В абхазском языке форма настоящего времени финитных глаголов образуется сложным суффиксом *-un*, который состоит из показателя настоящего времени *-u* и показателя финитности *-n*: *ику-ун* «лежит на поверхности чего-л.» [8: 103].

Как видим, показатели настоящего времени в хаттском и абхазском языках идентичны.

Что касается хаттского суффикса *-a*, присоединяемого к основе глагола, то он, вполне вероятно, может служить показателем как настоящего времени, так и вопросительной формы *ик-ка?* «ты идешь?»

В современном адыгейском языке частица *-a* после основы глагола является показателем вопросительной формы финитных глаголов: *окIу-а?* «ты идешь?» *Адыгаб-зэ оулIа?* «Ты знаешь адыгейский язык?»

К.С. Шакрыл выделяет в абхазском языке вопросительное наклонение, которое для класса человека образуется при помощи суффикса *-да*: *Ажьа зшьы-да?* «Кто зайца убил?» [8: 119-120].

Предлагаемая нами классификация показателей прошедшего времени в хатт-

ском языке опирается на результат анализа глагольных форм из билингв (двухязычных хаттско-неситских текстов) с помощью их сравнения с абхазо-адыгскими показателями прошедшего времени.

В хаттском языке существовала довольно разветвленная система форм прошедшего времени, что, вероятно, объясняется достаточно развитой системой категории вида. Фактически, хаттские глагольные суффиксы выражают различные виды действия.

1. Суффикс *-a* или сочетание суффиксов *-a* и *-š*, являются показателем завершенности действия:

- *-at-tu-š tittahzilāt šuuā, tabarna katti ta-niu-aš* «В Хатуссе престол поместили, (чтобы) правитель царь на него взошел», хатт. *šuu* «помещать», *ta-niu* «восходить на»;
- *pa-la a-an-zar-aš-ma u-ri-e-eš hu-uz-za-aš-ša-a-i-šu* «затем она позвала кузнеца всемогущего»; *še-it-tu-uq-qa-aš* «Она к нему (богу грозы) подошла».

Идентичные глагольные формы в современном кабардино-черкесском языке М.А. Кумахов относит к прошедшему совершенному времени (перфекту): *с-т-х-а-шь* «я написал», *кЛу-а-шь* «он ушел». В адыгейском языке кабардинскому суффиксу *-шь* соответствует суффикс *-гъ(э)* с огласовкой и без огласовки: *с-тхы-гъэ* «я написал», *къэ-кЛу-агъ* «он пришел» [9: 190]. Предположительно и тот, и другой суффиксы могли произойти от разных диалектных форм еще в эпоху общеадыгского единства.

В разговорной речи в кабардино-черкесском языке вместо *кЛу-а-шь* употребляется *кЛу-а* «он ушел» [10:149].

2. Прошедшее однократное (мгновенное) действие в хаттском языке выражается суффиксом *-n*: *ka-a-aš-ku tu-ug-z-i-i-g zudu h-a-an* «Кашку (бог Луны) дзынь на землю упал» ср., хатт. *ha-* «падать»; *zi-ši-im a-ah-ku-un* «никто его не видел», ср. хатт. *ku-* «видеть»; *a-an-ta-ha-an ka-aš-ti-ib* «он его открыл (букв. поднял вверх) засов ворот», ср. хатт. *ta-ha* «поднимать

вверх»; *uk-ka pi-i-ih-a-an* «что-то упало (свалилось)», ср. хатт. *piha* «упасть, свалиться». Ср. с каб. *пыхун (поху)* «упасть, свалиться с края, конца чего-л.».

В абхазском и абазинском языках соответствующий глагольный суффикс *-n* является показателем прошедшего неопределенного времени финитных глаголов: абх. *изга-н* «то я взял», *сца-н* «я пошел»; абаз. *с-цумIа-н* «я лежал», *с-аъа-н* «я был».

Форма прошедшего неопределенного времени указывает на завершенное действие и используется чаще всего в повествовании [8: 107; 11: 148].

3. Прошедшее результативное (аорист) в хаттском языке выражается суффиксом *-t*:

ta-a-u-ua tu-pi še-ih-ku-u-at «страх и ужас они его охватили», ср., хатт. *ku-u-a* «хватать»;

pi-in-na-a-at ha-zi-uz-tu «зажглось главное (небесное) светило», ср., хатт. *pina* «загореться». Ср. с каб. *пынэн (понэ)* «засветиться, зажечься, загореться».

В абхазском и абазинском языках идентичный аффикс также является показателем аориста. Употребление аориста связано с выражением завершенного действия, осуществившегося в определенный момент в прошлом: абх. *-(u)t: sasum/sast* «я ударил»; абаз. *-mI: сы-нха-mI* «я работал» [7: 108; 10: 149].

Категория времени тесно переплетена с другой категорией – категорией наклонения.

О. Сойсал выделяет в хаттском языке *Imperativ, Optativ и Prohibitiv*, в который он включает *Negativ* [2: 195-199]. По его наблюдениям, для образования императива используется суффикс *-a*, а уже на его основе образуются оптатив и прохитив [2: 195].

Как показал анализ материала, в хаттских текстах помимо изъявительного наклонения засвидетельствованы формы повелительного (императива) и желательного (оптатива) наклонений.

Изъявительное наклонение обозна-

чает реальное действие или состояние в прошлом, настоящем и будущем времени или же отрицает его. Оно не получает материального выражения: отсутствуют морфологические показатели.

Повелительное наклонение выражает побуждение собеседника к совершению действия в форме приказания или просьбы как в положительной, так и в отрицательной форме.

В хаттском языке оно может быть выражено двумя способами: а) чистой основой глагола и б) присоединением к основе глагола суффикса *-iša* с оттенком инструкции или совета: *a-na-a mi-ša-a hapalki-an kurkupal* «приди, возьми железный гвоздь».

Как отмечает К.С. Шакрыл, в современном абхазском языке идентичный суффикс *-ишь* с огласовкой придает оттенок смягчения повеления, доводя его до просьбы. Ср. *йыбы, йыба* «посмотри» – *йыбыишь* «посмотри-ка»; *йысахэ* «скажи мне» – *йысахэйишь* «скажи-ка мне» [8: 118].

Побуждение к совершению действия относится, прежде всего, ко 2 лицу единственного и множественного числа. Однако в хаттских текстах встречается обращение и к первому лицу. Говорящий в этих случаях побуждает к действию не только собеседника, но и самого себя: *ka-a-ad-te te-ku-un-ku-uh-hu-u-a* «царю провозгласим здравицу» (*te* «мы» – первое лицо множественного числа входит в структуру глагола). Ср. с абх. *а-куныхэара* «поднять заздравный тост» (*а-хэара* «говорить, сказать»).

В хаттском языке можно выделить две запретительные формы повелительного наклонения:

1) одна из них образуется с помощью отрицательного префикса *т-* с огласовкой, как в современных абхазо-адыгских языках: *i-a-a-e i-ma-al-hi-ip* «зла внутри (дома) не кладите». Ср. адыгейск. *у-мы-к!у!* «не ходи!»

2) другая – с помощью преверба *taš-/teš-te-/tu-* с запретительной семанти-

кой, означающей предостережение от совершения того или иного действия:

bi-e-wi-il iš-bi-e-el ta-aš-te-e-ta-nu-u-ši «в дом же плохого человека опасайтесь впускать». Ср. с адыгейск. *тецмен* «страшиться кого, чего-либо»; *ašah-pi taš-tu-ta-šula* «дурное же остерегайтесь впускать».

В хаттском «Строительном ритуале» это самое частотное наклонение. Хеттские переводчики передают его на хеттский язык повелительным наклонением с отрицанием: *bi-e-wi-il iš-bi-e-el ta-aš-te-e-ta-nu-u-ši* «плохой человек внутрь дома пусть не войдет».

Признаком желательного наклонения (оптатива) в хаттском языке является дезидеративная частица *-ta*, которая прибавляется к масдарной форме глагола:

iš-tar-ra-zi-il-bi ua_a-ašah ua_a-h- zi-i-he-ir-ta «в темной земле плохое (дурное) спрятать (было бы) желательно».

Частица *-ta* указывает на желательность действия, выраженного масдаром. В данном примере пожелание обращено ко второму лицу множественного числа, которое в составе глагола выражено лично-местоименным префиксом *ua_a-*: *ua_a-h- zi-i-he-ir-ta* «спрятать желательно».

Так как перед глаголом стоит обстоятельство (*iš-tar-ra-zi-il-bi*), прямой объект (*ua_a-ašah*) повторяется в глаголе в виде показателя объекта *-h-*: *iš-tar-ra-zi-il-bi ua-ašah ua_a-h- zi-i-he-ir-ta*. Ср. с абх. *u-н-ка* «его режь» (*u-* показатель объекта в глаголе), *амеы н-ка* «дрова руби» (показатель объекта утрачивается), *амеы ркбаены u-н-ка* «дрова покороче руби» (с появлением обстоятельства появляется показатель объекта *u-*).

В современном адыгейском языке дезидеративная частица *-тэ* сохранилась только для обозначения желательного условного действия во всех временах: *к!о-тэ-мэ* «если б он ходил (вообще)», *к!уа-гъэ-тэ-мэ* «если б он пошел» (прошедшее однократное), *к!оцт-тэ-мэ* «если бы он пошел в будущем» [4: 305-306].

Употребление масдара для выражения повеления имеет место в абхазском языке с ударением на суффиксе *-pa*: Ср. *абыл-рá* «сжечь!» – *и-блы!* «то сожги!», *ацэах-рá* «спрятать!», *и-ацэахы* «то спрячь!» [8: 117].

Исследование времен и наклонений

в хаттском подтвердило его несомненное родство с абхазо-адыгскими языками. Обращает на себя внимание идентичность хаттских и абхазо-адыгских суффиксов, используемых при оформлении видовременных значений и побуждений к совершению действия.

Примечания:

1. Дунаевская И.М. Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола // Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. – Москва: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 57 – 159.
2. Soysal O. *Hattischer Wortschatz in Hethittischer Textüberlieferung // Handbook of Oriental Studies Section 1. The Near and Middle East. Vol.1. 2004, Leiden – Boston: Brill.* – 1029 p.
3. Girbal C. *Beiträge zur Grammatik des Hattischen.* – Frankfurt am Main, Bern, New York: Verlag Peter Lang, 1986, 201 s.
4. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка – Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966, 462 с.
5. Тихонова А.П. Структурно-семантическая интерпретация глагольных основ в хаттском и абхазо-адыгских языках. // Вестник АГУ. Серия Филология и искусствоведение. Выпуск 4 (128) Майкоп, 2013. С. 105-110.
6. Ломтатидзе К. В. Абазинский язык (Краткое обозрение). – Тбилиси: Ин-т языкознания Арнольда Чикобавы. – 2006. – 209 с.
7. Рогава Г.В. К вопросу о первичной функции глагольного суффикса *-га* в адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. X, Тбилиси: 1983. С.106- 109
8. Аристава Ш.Л., Х.С. Бгажба, М.М.Циколия, Л.П.Чкадуа, К.С.Шакрыл Грамматика абхазского языка Фонетика и морфология – Сухуми: «Алашара», 1968, 204 с.
9. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1989 – Глава IV Глагол. – 384 с.
10. Джанашиа Симон. Черкесские дневники – Тбилиси: Кавказский дом, 2007.– 266 с.
11. Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1976. – 352 с.

References:

1. Dunaevskaya I.M. Principles of structure of Hattian (Protohittite) verb // Near Eastern Collection. Questions of Hittitology and hurritology – Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1961. – P. 57-159.
2. Soysal O. *Hattisher Wortschatz in Hethittischer Textüberlieferung// Handbook of Oriental Studies Section 1.The Near and Middle East.Vol.1. 2004, Leiden – Boston: Brill.* – 1029 p.
3. Girbal C. *Beiträge zur Grammatik des Hattischen.* – Frankfurt am Main, Bern, New York: Verlag Peter Lang, 1986. – 201 p.
4. Rogava G.V., Kerasheva Z.I. *Grammar of the Adyghe Language.* – Krasnodar, Maikop: Krasnodar Publishing House, 1966. – 462 pp.
5. Tikhonova A.P. *Structural and Semantic Interpretation of the Verbal Stems in Hattian*

- and Abkhaz-Adyghe Languages // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2013. Uss. 4 (128) P.105-110.
6. Lomtadidze K.V. The Abazian Language (A Concise Review) – Tbilisi: Arn. Chikobava Institute of Linguistics. – 2006. – 209 pp.
 7. Rogava G.V. About the Primary Function of the Verbal Suffix –ra in Adyghe Languages // Annual of Iberian-Caucasian Linguistics. Vol. X, 183. – P.106-109.
 8. Aristava Sh.K., Bgzhba Kh.S., Tsikoliya M.M., Chkadua L.P., Shakril K.S. Grammar of the Abkhazian language. Phonetics and morphology. – Sukhumi: Alashara, 1968. – 204 pp.
 9. Kumakhov M.A. Comparative Historical Grammar of the Adyghe (Circassian) Languages. M.: Nauka, 1989. – Ch. IV. Verb. – 384 pp.
 10. Dzhanchashia Simon. Circassian Diaries. –Tbilisi: Caucasian House, 2007. – 266 pp.
 11. Tabulova N.T. Grammar of the Abazin Language. Phonetics and Morphology. – Cherkessk: Karachay- Cherkessk Department of Stavropol Publishing House, 1976. – 352 pp.